

трамвай появился в 8 городах СССР, то в последующее десятилетие — уже в 33²⁴; значительно увеличились имевшиеся прежде трамвайные сети, а также объемы пассажирских перевозок и частота движения по линиям.

К сожалению, не удалось избежать повторения тенденции, имевшей место в Москве в 1910-е гг.: стандартный вагон на момент массового внедрения был уже явно устаревшим, поскольку его проектировщики никак не могли предвидеть начавшуюся в конце 1920-х гг. ускоренную индустриализацию СССР с соответствующими масштабами и темпами урбанизации и ростом спроса на перевозки, а также развитие автомобилестроения, переход к финансированию городского транспорта по достопамятному «остаточному принципу» и многие иные немаловажные явления. Разработка нового подвижного состава, лучше подходящего к изменившимся отечественным реалиям, достойна самостоятельных исследований. Ну а стандартные вагоны 1920–1930-х гг., успешно отслужив на линиях по 3–4 десятилетия, ныне сохраняются во многих городах как памятники трудовой славы электротранспортников.

²⁴ Tramway Atlas...

100 лет со дня рождения И. В. Курчатова

Ю. Н. СМЕРНОВ

И. В. КУРЧАТОВ И ВЛАСТЬ

Игорь Васильевич Курчатов оставил неизгладимый след в истории России.

Блестящий ученый-физик, он в возрасте 40 лет попал в поле зрения высшего руководства страны и выполнил миссию, которая, казалось, выходила далеко за рамки его профессии и пределы человеческих возможностей. Он был вовлечен в прямое взаимодействие с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и Л. П. Берией, в водоворот важнейших для страны событий и обстоятельств, которые при малейшей неудаче или неосторожном шаге могли погубить его в любое мгновение. Но Игорь Васильевич настолько эффективно справился с поставленной перед ним задачей, что Сталин даже удостоил его особым знаком благодарности, подарив свой большой, во весь рост, живописный портрет. А Н. С. Хрущев, отправляясь весной 1956 г. с официальным визитом в Англию, включил «засекреченного» Курчатова в состав правительственной делегации.

Во времена Сталина атомная эпопея стала для Игоря Васильевича каждодневным риском и требовала от него предельного напряжения.

Иногда можно услышать, что ядерное оружие нам было не нужно, а в условиях тоталитарного режима его создание было даже безнравственно. Но никакие гуманитарные соображения не остановили Соединенные Штаты Америки в Японии: Хиросима и Нагасаки были подвергнуты безжалостному атомному уничтожению. Восстановить равновесие с США было абсолютно необходимо, его достижение стало для нас первоочередной государственной задачей. Появление советского ядерного оружия заставило Америку, обладавшую монополией на атомную бомбу, расстаться с философией собственной неуязвимости и безнаказанности. Более того, ядерный паритет между США и СССР способствовал в дальнейшем зарождению новой дипломатии и пониманию мировыми политическими лидерами, что большая война на Земле отныне должна быть исключена.

Курчатов работал под контролем и постоянным наблюдением со стороны властей. Его прямым начальником был Берия. В результатах его деятельности был жизненно заинтересован Сталин. Вождь знал, что говорил, когда, награждая после первого испытания отечественного атомного заряда отличившихся физиков (и не только их), заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года с атомной бомбой, то, наверное, “попробовали” бы ее на себе».

В том, что мы «успели», велика личная заслуга Игоря Васильевича. Это был и его триумф. Но он, несмотря на победу, все-таки видел повод для сожаления. По свидетельству М. Г. Мещерякова, «вечером душного августовского дня 1949 г. после успешного первого атомного взрыва И. В. Курчатов, прогуливаясь по берегу Иртыша, от которого веяло прохладой, обращаясь скорее к самому себе, сказал: “Все это могло произойти и раньше, если бы не было нелепой двухлетней заминки. В конце концов, размагничивать корабли могли и без нас”»¹.

Не забудем: этот выдающийся результат, венчавший невероятные усилия по созданию уникальной отрасли, был достигнут Игорем Васильевичем в разоренной, истощенной войной стране. О масштабе развернувшихся работ свидетельствует простой факт. Американские эксперты, рассказывая об усилиях по созданию своей атомной бомбы, отмечали, что потребовался принципиально новый, грандиозный научно-технический и производственный комплекс, и этот успех был «даже для американской промышленности сопряжен с большими трудностями»².

Сталин говорил: «Предоставим Курчатову неограниченные кредиты». И добавлял: «Но будем его контролировать». Можно только догадываться, какой непомерный груз ответственности перед государством и народом лежал на плечах молодого физика. И насколько непросто был контакт с первыми лицами государства. Даже, казалось бы, в радостные минуты пуска первого опытного атомного реактора Ф-1 в конце 1946 г. Берия, ознакомившись с его работой и выходя из реакторного здания, задал Курчатову злобный вопрос: «Кто ваш преемник?» Через три с небольшим года в связи с пуском очередного промышленного реактора Берия приехал в Челябинск-40 и из-за пустяка устроил разнос персоналу, обслуживавшему реактор. Свидетель этой сцены Б. В. Брохович вспоминает: «Все это время я не спускал глаз с лица Игоря Васильевича. У него... было вытянутое напряженное лицо, напряглись вены и дрожали руки, с которыми он не смог справиться»³. Острые моменты возникали и в годы оттепели, когда уже не было ни Сталина, ни Берии. В мемуарах, опубликованных в июльском номере «Знамени» за 1988 г., А. И. Аджубей рассказал, как однажды на дачу к Хрущеву приехал Курчатов, которого он очень ценил. Их долгая беседа кончилась раздором. Когда обиженный Игорь Васильевич ушел, Хрущев проворчал: «Борода лезет не в свое дело. Физик, а пришел ходатайствовать за генетиков. Чертовщина какая-то: нам хлеб нужен, а они мух разводят».

Курчатов оставался для своих сотрудников ровным, энергичным, преисполненным оптимизма руководителем. Он никогда не делал предметом обсуждения свои эмоции. Но весной 1956 г. его все-таки прорвало и, ког-

¹ Михаил Григорьевич Мещеряков: К 90-летию со дня рождения / Ред. Р. Г. Позе, Е. М. Молчанов. Сост. В. Ф. Никитин, В. И. Никитина, Т. А. Стриж. Дубна: ОИЯИ, 2000. С. 32.

² Хогертон Дж. Ф., Раймонд Л. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? М.: Изд-во ИЛ, 1948. С. 36.

³ См.: Брохович Б. И. В. Курчатов в Челябинске-40 // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах // М.: ИздАТ, 2003.

да-то пышущий здоровьем, он пожаловался своему заместителю И. Н. Головину: «Самочувствие отвратительно. Давление не снижается ниже 180. Дела меня замучат до смерти. Я ничего не хочу, ничего не вижу». Через 10 дней у Игоря Васильевича случился первый инсульт...

Уже через четыре года после атомного взрыва 29 августа 1949 г. из страны догоняющей Советский Союз вышел в лидеры, впервые в мире испытав транспортабельный термоядерный заряд, готовый к боевому применению. На Западе были вынуждены признать: «Ситуация, которой так долго опасался Вашингтон, стала теперь очевидной. Первенство в состязании за “абсолютное оружие” уже принадлежало другой стороне»⁴. Все последующие годы, обеспечивая свою безопасность, наша страна больше никогда не уступала США в области разработки ядерных вооружений.

С появлением столь разрушительного оружия деятельность Игоря Васильевича стала исключительно важной уже для всего мира. Две великие державы, стоявшие во главе военно-политических блоков, строили свои взаимоотношения, обмениваясь рискованными декларациями. Даже время от времени угрожали применить новое оружие, чем ставили мир на грань войны. Ядерная тема превратилась в синоним проблемы национальной безопасности. Будучи главным научным консультантом Кремля, Курчатов в опаснейшие 1950-е гг. благотворно влиял на позицию высшего руководства страны, предупреждая о губительных глобальных последствиях термоядерной войны. Он настаивал на прекращении ядерных испытаний и подталкивал Хрущева к проведению политики мира. В том, что СССР и США в драматических условиях идеологического противостояния сумели избежать катастрофы, — большая заслуга И. В. Курчатова.

Парадоксально, но появление ядерного оружия как никогда подтолкнуло развитие науки и техники. Мир вокруг нас преобразился на глазах. Действительно, посеяв смертельный страх в сознании людей, это оружие самим фактом своего существования немедленно повлияло на основные направления в промышленности и военном деле. В нашей стране именно на базе военных самолетов — носителей ядерного оружия — вскоре были созданы знаменитые пассажирский реактивный самолет Ту-104 и самый большой для своего времени самолет для трансконтинентальных перелетов Ту-114. Мощная ракета, построенная С. П. Королевым для доставки к цели нашей первой водородной бомбы, одновременно открыла путь в космос первому в мире спутнику, полету Гагарина и сделала возможными другие наши пионерские достижения в космонавтике. В интересах обороны форсированными темпами стали развиваться вычислительные, телеметрические и радиолокационные системы, которые тут же нашли путь к человеку в его повседневной жизни. Небывалый скачок сделала не только физика, но и химия. Появились невиданные материалы и технологии. Беспрецедентная научно-техническая революция на протяжении жизни одного поколения преобразила быт человека, окружив его комфортом и удобными техническими новинками. Атомная эра до неузнаваемости изменила меж-

⁴ Юнг Р. Ярче тысячи солнц. М., 1961. С. 255.

дународные отношения и военные доктрины двух супердержав. Наука впервые стала инструментом, обеспечивающим безопасность государства.

Неудивительно, что И. В. Курчатов стал ключевой фигурой для Кремля. Это потребовало от него особых качеств и какого-то особого дара. Беседа почти 15 лет назад с научным руководителем Семипалатинского полигона академиком М. А. Садовским, я услышал от него неожиданные слова: «Игорь Васильевич Курчатов — это что-то исключительное, он все-таки явление природы». Академик Б. В. Раушенбах выделял Курчатова, как, впрочем, и Королева. Он считал, что их миссия гораздо выше миссии любого ученого. Что они — маршалы.

И. В. Курчатов выиграл судьбоносную для страны великую битву, и мы продолжаем пользоваться плодами его подвижнического труда. Россию прославили многие имена. Но подвиг Курчатова уникален и многогранен, его влияние простирается в будущее.

Надо учитывать, что этот подвиг был бы невозможен без тесного взаимодействия Курчатова с государственным аппаратом, с властью. В воспоминаниях некоторые авторы затрагивают эту тему. Однако она настолько глубока и поучительна, так много значила для полного успеха, что достойна особого внимания. Я остановлюсь на том, как зарождалось и развивалось взаимодействие Игоря Васильевича с очень непростыми первыми лицами в руководстве страны. Как он добивался прямого вовлечения высшей власти в дела атомного проекта, считая это абсолютно необходимым. Как власть помогала Курчатову и «опекала» его. И, наконец, как он влиял на эволюцию взглядов политического руководства страны, помогая осознать опасные реалии атомной эпохи.

«Может быть, придется вернуться в Казань...»

Впервые близкое «дыхание» власти И. В. Курчатов ощутил, когда по прямому распоряжению И. В. Сталина, подписанному 28 сентября 1942 г., Академии наук СССР и персонально академику А. Ф. Иоффе предписывалось «возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить Государственному комитету обороны к 1 апреля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»⁵.

Слова «урановая бомба» не появлялись до этого на столь высоком уровне. Во исполнение распоряжения Сталина Иоффе приказом по казанской группе Ленинградского физико-технического института сформировал специальную лабораторию в составе: Курчатов Игорь Васильевич (заведующий), Алиханов Абрам Исаакович, Корнфельд Марк Осипович, Неменов Леонид Михайлович, Глазунов Петр Яковлевич, Никитин Сергей Яковлевич, Щепкин Герман Яковлевич, Флеров Георгий Николаевич, Спивак Петр Ефимович, Козодаев Михаил Сильч, Желепов Венедикт Петрович.

⁵ Распоряжение ГКО №2352 сс «Об организации работ по урану» от 28.9.1942. Архив Президента (АПРФ). Ф. 22. Оп. 1. Д. 95. Л. 99–101.

Героическая атомная эпопея началась.

Игорь Васильевич проявил себя очень быстро. Осенью 1942 г. он вместе с ближайшими сотрудниками разрабатывает мероприятия для развертывания работ по урановой проблеме. Г. Н. Флеров вспоминал: «Начиная работу, мы были нищие и, пользуясь данным нам правом, собирали из остатков по воинским частям и в институтах Академии наук необходимые нам вольтметры и инструмент»⁶.

В последние дни ноября 1942 г., когда Курчатов находился в командировке в Москве, его по поручению В. М. Молотова, по-видимому, впервые познакомили с агентурной информацией о развернувшихся на Западе работах по атомной тематике. 27 ноября 1942 г. Игорь Васильевич подготовил на имя Молотова пространное заключение⁷. Подчеркнув, что информация «совершенно не содержит технических подробностей о физических исследованиях по самому процессу деления», он отметил: «Рассмотренный материал ограничивается концом 1941 г., ...но уже и в имеющемся материале содержатся новые для ученых Союза и весьма важные данные». Он сразу поставил перед правительством вопрос о резком расширении фронта работ в связи с тем, что «в исследованиях проблемы урана советская наука *значительно отстала* от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ». Молотов, прочитав заключение Курчатова, сделал на документе помету: «Т. Сталину. Прошу ознакомиться с запиской Курчатова. В. Молотов. 28.XI».

С этого времени имя Курчатова стало известно высшему руководству страны. Стратегически точный взгляд 40-летнего ученого на проблему и проявленная им ответственность были замечены. Уже 23 января 1943 г. уполномоченный ГКО по науке С. В. Кафтанов и вице-президент Академии наук А. Ф. Иоффе по собственной инициативе обратились к Молотову и рекомендовали «общее руководство всей работой возложить на проф. И. В. Курчатова». Их предложение вскоре было реализовано в распоряжении Государственного комитета обороны от 11 февраля 1943 г., подписанном Молотовым. Этим распоряжением «в целях более успешного развития работы по урану» предписывалось, в частности, «научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И. В.» и разрешалось «Президиуму Академии наук СССР перевести группу работников спец. лаборатории атомного ядра из г. Казани в г. Москву для выполнения наиболее ответственной части работ по урану».

Весной 1943 г. курчатовский коллектив переезжает в Москву на Пыжжевский переулок. И, как в дальнейшем бывало не раз, меняет название: «специальная лаборатория атомного ядра» превращается в Лабораторию № 2.

⁶ Из беседы с Ю. Н. Смирновым.

⁷ См.: Докладная записка И. В. Курчатова В. М. Молотову с анализом разведывательных материалов и предложениями об организации работ по созданию атомного оружия в СССР. 27 ноября 1942 г. // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. М.: ИздАТ, 2003. С. 540–543.

(Осенью с Пыжковского переулка Лаборатория № 2 перебирается, наконец, на постоянное место, в другой район города — в Покровское-Стрешнево.) Весной 1943 г. И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, Г. Н. Флеров, Я. Б. Зельдович, И. К. Кикоин, А. И. Алиханов, обосновавшись в одном из номеров гостиницы «Москва», намечали, какие исследования являются первоочередными, кто будет заниматься бомбой, кто ураном, графитом и тяжелой водой, кто разделением изотопов.

После назначения научным руководителем важнейшей государственной проблемы жизнь Курчатова сильно меняется. Через два месяца он пишет⁸ в Казань своей жене Марине Дмитриевне:

26.04.43 г.

Дорогая моя женка!

Что-то давно нет от тебя никаких вестей. Пишу тебе деловое письмо о переезде сюда.

В письмо вкладывается пропуск на въезд в Москву к месту постоянного жительства. По этому пропуску тебе дадут пропуск в Казани в НКВД на въезд в Москву. Если будут затруднения, обратись к Монусу, а если и это не выйдет, попроси т. Белязо⁹ связаться с М. И. Рукиным и передать ему мою просьбу оформить пропуск в самое короткое время.

Со службы уходи. В письмо вкладываю просьбу Академии об освобождении тебя от работы. Если будут задерживать, сообщи мне телеграфно об этом, — вышлю телеграмму с предложением освободить тебя от имени ответственного товарища. Телеграфируй так: Москва, Магнит, Алиханову для Курчатова — это Институт Капицы. Дело в том, что, наверное, 1 мая я выеду из гостиницы и перееду или на новую квартиру, или к Капице — ибо там сейчас очень хорошо, — а то одному в квартире будет скучно. Но Алиханов во всяком случае телеграмму мне передаст.

Мне говорили, что пропуск на место постоянного проживания в Москве — очень сильный документ и по нему отпускают с места работы сразу. Так что действуй решительно и собирайся сюда. Вещи возьми, если сможешь, все. Дрова пусть остаются за нами, так как, может быть, придется вернуться в Казань, если здесь будет плохо. Комната пусть остается за нами, так и передай Ольге Васильевне. Пока пусть живут сами в ней, но никого не пускают, т.к. мы можем вернуться — я-то ведь не выписывался. Скажи, что я нахожусь в длительной командировке.

Теперь о квартире. Я ее еще не получил, но на днях, вероятно, получу. Свой отъезд ты с этим не связывай и выезжай поскорей. Телеграфируй, когда собираешься сюда; если недолго задержишься — постараюсь прилететь тебе помочь. Но это не наверное, т.к. дела очень много. Продукты — большую часть оставь Борьке¹⁰. Пришли мне мыла.

Наша квартира должна быть из 3^х комнат (я ее смотрел), во вновь построенном доме, на 5 этаже на Можайском шоссе. Есть лифт, но он пока не

⁸ Письмо публикуется впервые (ксерокопия из личного архива Ю. Н. Смирнова).

⁹ Монус Самуилович Соминский в течение двух десятилетий был одним из наиболее близких помощников А. Ф. Иоффе по Ленинградскому физико-техническому институту; автор книги «Абрам Федорович Иоффе», изданной в 1965 г. Мария Афанасьевна Белязо — начальник спецотдела ЛФТИ.

¹⁰ Борис Васильевич Курчатов — брат И. В. Курчатова.

работает. В квартире очень симпатичная кухонька (с газовой плитой — газа пока нет), ванна (с газовым подогревом), телефон; две комнаты на север — одна на юг.

В этом же доме есть двухкомнатная квартира (тоже с ванной и кухней, но в отличие от трехкомнатной ванна и уборная в одном месте, а в трехкомнатной они раздельны), я постараюсь получить именно двухкомнатную, хотя ордер на трехкомнатную.

Почему я думаю так сделать? Потому что на самом деле двухкомнатная квартира состоит тоже из трех комнат, только одна очень маленькая (будет у нас столовая), а зато все комнаты выходят на юг. В одной комнате мы сделаем спальню, во второй (где есть балкон) кабинет — там же будет жить Борька.

Квартирки уютные, а если не понравится — то можно будет потом переехать в ту, которую думаю к осени построить при лаборатории.

Постарайся управиться со всем этим поскорей, а то мне очень скучно здесь, да и жить будет тяжело, т.к. из гостиницы я выеду и с завтраком и ужинами будет у меня плохо. Да и вербы отойдут, придется подумать о ветках с деревьев. Которые, впрочем, независимо должны быть в нашей квартире — ты опять ведь молчишь.

Ради получения денег, которых у тебя нет, — продай что-нибудь.

С вещами постарайся устроиться, как я тебе писал, т.е. сдать их частью в вагон Капице, частью в багаж на билеты спутникам твоим по Академ. вагону.

Возможно, что поедешь вместе с Рукавишниковым и другими из Радиевого института или с Корнфельдом — пусть тебе помогут.

Здесь в Москве — все устрою с приемом.

Попроси Монуся помочь тебе как следует. Пишу неразборчиво — ибо надо кончать. Хочу еще написать Борьке, — пусть расскажет тебе содержание письма к нему. Почему все молчишь! Хоть изредка бы посылала телеграмму. Не больна ли?

Целую крепко тебя, моя родная, любимая. Игорь.

Сегодня звонили Буба¹¹ и Глазунов — они здоровы и останутся в Ленинграде до 10–15 мая. Сегодня говорил со старшим Неменовым, который вчера вернулся в Москву из Ленинграда. Дорогой на самолет разбился, но все остались здоровы и даже не получили царапин — рассказал о жизни в Ленинграде — вид у него хороший — форма генерала к нему идет. Привет Тamarке и всем знакомым.

Это письмо интересно во многих отношениях. Но, пожалуй, особенно удивительно, что Игорь Васильевич вовсе не считал в то время свой переезд в Москву окончательным и не исключал каких-либо изменений. Однако он продолжает действовать и приходит к принципиальному выводу, что успех в урановой проблеме может быть достигнут только при самом непосредственном, постоянном участии в ней руководства страны. В самом деле, 30 июля 1943 г. Курчатов обращает внимание Молотова на обстоятельства исключительной важности:

Мы сделали только первый шаг и находимся в начале большого и трудного пути.

¹¹ Леонид Михайлович Неменов.

Как по числу и квалификации кадров, так и по материально-технической вооруженности исследований по проблеме урана, наша страна остается далеко позади Америки, Англии и Германии. Проблемой урана у нас занято сейчас около 50, а в Америке — около 700 научных сотрудников...

Имеющееся резкое отставание нельзя ликвидировать только путем привлечения наличных кадров ученых и создания единичных технических сооружений. Только при специальном правительственном внимании и всемерном развитии физики атомного ядра, физики деления изотопов нам удастся ликвидировать отставание (здесь и далее по тексту статьи курсивом выделено мной. — Ю.С.).

На каждом из <...> путей встают громадные трудности. Для создания котла из металлического урана и смеси урана с графитом необходимо накопить в ближайшие годы 100 тонн урана. Разведанные запасы этого элемента в СССР оцениваются в 100-120 тонн. Исходя из этого, ГОКО наметил получение 2 тонн урана в 1943 и 10 тонн в 1944 и последующих годах.

Является действительно необходимым ускорение работ по накоплению урана, что возможно только при условии обнаружения новых и предельно высокой эксплуатации существующих месторождений. Америка располагает разведанными месторождениями урана в несколько тысяч тонн и могла бы продать СССР 100 тонн урана (стоимость такой закупки равна 1400000 ам. долларов). Сомнительно, однако, чтобы американское правительство разрешило провести эту операцию, так как смысл ее несомненно был бы оценен правильно)¹².

Этот документ сначала оказался у М. Г. Первухина. Но уже 3 августа 1943 г. Первухин направляет его Молотову «для ознакомления» и «обсуждения поставленных в записке вопросов». И все это в условиях полыхающей войны!

Поразительно читать строки Курчатова не только об отсутствии достаточных количеств урана для выполнения первоочередных работ, но и об отсутствии ясности, есть ли вообще на территории страны достаточные запасы этого сырья — обстоятельство, которое придает особый драматизм работам того периода по советскому атомному проекту.

Заметим: ныне Россия сама продает Соединенным Штатам излишки своего энергетического ядерного топлива.

«Надо будет переговорить с Курчатовым»

Руководители страны понимали, к какому исключительно важному и ответственному делу был привлечен И. В. Курчатов. Что молодому ученому потребуются особые полномочия и особый авторитет. Осенью 1943 г. он, минуя ступеньку члена-корреспондента, был рекомендован для избрания сразу в академики. Следуя требованиям секретности, в справке для Академии наук не раскрывалась миссия, возложенная на Курчатова. Говорилось только, что Постановлением Совета народных комиссаров СССР

¹² См.: Докладная записка И. В. Курчатова В. М. Молотову о работе Лаборатории № 2 за первое полугодие 1943 г. 30 июля 1943 г. // Игорь Васильевич Курчатов... С. 563–568.

ему «поручено руководство очень ответственной научной работой». Однако 27 сентября 1943 г. на вакантное место избрали все-таки не его, а А. И. Алиханова. В числе активных оппонентов Курчатова оказались не только авторитетные в Академии физики П. Л. Капица и И. Е. Тамм, но даже его наставник и учитель А. Ф. Иоффе. В связи с этим немедленно были предприняты необычные действия.

Президент АН СССР ботаник В. Л. Комаров срочно обратился с письмом к заместителю председателя правительства академику А. Я. Вышинскому с просьбой разрешить произвести через два дня довыборы еще двух действительных членов, одним из которых и станет Курчатов. Операция удалась. Это был случай, когда кандидатура, навязанная Академии наук властью, оказалась более чем достойной. Подробности закулисных действий представителей власти теперь стали известны.

8 октября 1943 г. И. В. Сталину и В. М. Молотову была направлена Докладная записка Комиссии ЦК ВКП(б) по выборам в Академию наук СССР. Членами этой Комиссии были, в частности, секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Главного политуправления Красной Армии А. С. Щербаков, а также два заместителя председателя СНК СССР — А. Я. Вышинский и М. Г. Первухин.

В этом пространном документе¹³ говорилось, что «выборы, проведенные в условиях войны, являются, наряду с выборами 1939 г., наиболее крупными со времени существования Академии наук». Что «возможные кандидаты в действительные члены и в члены-корреспонденты предварительно рассматривались Комиссией ЦК ВКП(б), которая отобрала к избранию наилучших кандидатов. За этих кандидатов велась агитация среди академиков. “Правда” и “Известия”, а также и другие газеты осветили их научную и общественную деятельность». В Докладной записке специально было отмечено:

Физик И. В. Курчатов имел сильного конкурента члена-корреспондента А. И. Алиханова. В пользу Алиханова и против Курчатова вначале настойчиво выступал академик П. Л. Капица. Отделение рекомендовало общему собранию избрать в академики А. И. Алиханова. Потребовалось вмешательство Комиссии, беседа с акад. Капицей, а также индивидуальные беседы почти со всеми академиками отделения, после чего И. В. Курчатов был рекомендован 12-ю голосами (из 14) на дополнительное место, не использованное химиками и переданное физическому отделению. Следует отметить, что при тайном голосовании на общем собрании Курчатов получил 91% поданных голосов, тогда как Алиханов только 81%. ...Члены партии — академики А. Ф. Иоффе и В. П. Волгин не столько помогали, сколько мешали нормальному течению выборов. А. Ф. Иоффе, несмотря на рекомендации Комиссии провести в действительные члены И. В. Курчатова, беспрестанно колебался между кандидатурами Курчатова и Алиханова, что отрицательно сказалось на результатах выборов в первом туре.

¹³ Документы русской истории. 1999. № 2. С. 66–69. Публикация Н. Сидорова.

Записка заканчивалась знаменательным обращением к почетному академику Сталину и Молотову, который станет почетным академиком через три года: «Комиссия при ЦК ВКП(б) просит утвердить результаты выборов в Академию наук. Списки избранных действительных членов и членов-корреспондентов прилагаются».

А. С. Федоров вспоминал:

вечером 26 сентября 1943 года, застал Иоффе и Капицу в институте. «Александр Сергеевич, — воскликнул Капица, — скажите, что сделают с этим известным всему миру ученым, всего год состоящим в вашей партии, если он будет голосовать согласно своей совести, а не так, как его обязывает партия?» Затем Капица объяснил мне суть дела. В ответ на вопрос Капицы я сказал, что с Абрамом Федоровичем, конечно, «ничего не сделают», но партийная этика обязывает члена партии голосовать за кандидатуру, одобренную партгруппой... На следующий день, 27 сентября, состоялись выборы. Никто не знает, за кого отдал голос А. Ф. Иоффе (голосование тайное), но академиком был избран А. И. Алиханов... Два дня спустя, 29 сентября, И. В. Курчатов (за счет незаполненной вакансии по другому отделению Академии) также стал академиком¹⁴.

Неудивительно, что эти выборы вошли в историю Академии наук. Математик Л. С. Понтрягин вспоминал:

При обсуждении кандидатуры Курчатова против него решительно выступал П. Л. Капица, который стремился провести в академики Алиханова. Академик-секретарь Отделения А. Ф. Иоффе указывал на то, что имеется настойчивое пожелание избрать Курчатова, а Капица требовал письменных указаний, которых Иоффе не имел. В результате Курчатов был провален, а Алиханов выбран. Курчатов был выбран только после предоставления специального места.

Только теперь видно, кто есть кто. Огромная роль Курчатова общеизвестна, а Алиханов после избрания открыл целый ряд новых элементарных частиц, но потом обнаружилось, что открытие это основано на неправильном толковании эксперимента, и никаких частиц не было открыто¹⁵.

Рассказывая о том, как был задействован в атомном проекте И. Е. Тамм (и, как следствие, — А. Д. Сахаров!), Е. Л. Фейнберг добавил свои краски и подробности к избранию Курчатова в академики:

Я догадываюсь, что привлечение Игоря Евгеньевича состоялось только благодаря удивительным качествам Игоря Васильевича. Ведь на моих глазах в сентябре 1943 года прошли выборы в академики на одно вакантное место по специальности «экспериментальная физика». Были два претендента — А. И. Алиханов и И. В. Курчатов. У Алиханова были обволакивающие черты личности, и он умел просто и очень убеждающе рассказывать про свою физику. Игорь Евгеньевич был его — а не Курчатова — горячим поклонником. Поэтому он развил бешеную агитацию, что-

¹⁴ Автор благодарен П. Е. Рубину за предоставленную машинопись воспоминаний А. С. Федорова.

¹⁵ Понтрягин Л. С. Жизнеописание Л. С. Понтрягина, математика, составленное им самим. М.: ИЧП «Прима В», 1998. С. 194.

бы избрали Алиханова. И преуспел: академиком стал Алиханов! Тогда правительство ввело дополнительное место, на которое и избрали Курчатова... При этих условиях Игорь Васильевич мог бы быть обижен на Игоря Евгеньевича, и это сказало бы на их взаимоотношениях. Но для Курчатова — человека широких взглядов и здравого понимания, главным всегда было дело, и он сознавал, что такая большая сила, как Тамм, не может оставаться в стороне. Результат получился, конечно, блестящий!¹⁶

Еще перед войной Курчатова, известного физика, коллеги выдвигали в члены-корреспонденты Академии наук. Тогда его постигла неудача. Своим необычным избранием в 1943 г. Игорь Васильевич проложил дорогу в Академию наук страны многим выдающимся ученым-ядерщикам, занятым в оружейном комплексе: ведь о них, как в свое время и о Курчатове, ничего конкретного, кроме общих слов, нельзя было сообщать в ходе выборов в силу исключительной секретности работы.

К окончанию войны И. В. Курчатов был, как говорится, уже на слуху у Сталина. Не случайно Г. К. Жуков, вспоминая Потсдамскую конференцию летом 1945 г., рассказал о следующем эпизоде:

В ходе конференции глава американской делегации президент США Г. Трумэн, очевидно, с целью политического шантажа однажды пытался произвести на И. В. Сталина психологическую атаку.

Не помню точно, какого числа, после заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомным оружием.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы считали впоследствии, что, вероятно, И. В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают.

И. В. Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла об атомной бомбе¹⁷.

О Курчатове Сталин знал не только по результатам возложенной на него работы. Теперь известно, что Игорь Васильевич, как, впрочем, и другие академики, находился под наблюдением органов государственной безопасности, и на него было заведено досье. Когда летом 1945 г. возник вопрос об избрании нового президента Академии наук СССР (им стал С. И. Вавилов), 8 июля Сталину, Молотову и Маленкову была представле-

¹⁶ Харитон Ю. Б., Адамский В. Б., Романов Ю. А., Смирнов Ю. Н. И. Е. Тамм глазами физиков Арзамаса-16. Воспоминания о И. Е. Тамме. 3-е изд., доп. М.: ИздАТ, 1995. С. 393.

¹⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1971. С. 685.

на с грифом «Сов. секретно (Особая папка)» «Справка Наркомата государственной безопасности СССР о научной и общественной деятельности действительных членов Академии наук СССР»¹⁸, включавшая список из 23 кандидатов с их краткими биографиями. В их числе оказался не только Курчатов, но и Лысенко. Сталин прочитал:

Курчатов Игорь Васильевич — директор лаборатории № 2 Академии наук СССР, 1903 г. рождения, русский, беспартийный, академик с 1943 года, профессор МГУ, лауреат Сталинской премии. Орденоносец.

По специальности — физик-ядерщик. Работает в области исследований радиоактивных явлений. Основная работа по новому виду радиоактивного распада урана и использования его энергии.

В области атомной физики Курчатов в настоящее время является ведущим ученым в СССР.

Обладает большими организационными способностями, энергичен. По характеру человек скрытный, осторожный, хитрый и большой дипломат.

Однако быть беспартийным Курчатову оставалось недолго. В 1947 г. генерал Н. И. Павлов, который 8 марта 1946 г. был назначен Сталиным уполномоченным СНК СССР при Лаборатории №2 и, в частности, осуществлял «контроль за своевременным выполнением Лабораторией задания правительства по проведению научно-исследовательских работ», решил привлечь Игоря Васильевича в партию и заговорил с ним об этом. Павлов вспоминал:

Он вначале отвел мое предложение, сказав, что этот его шаг будет встречен неодобрительно со стороны ученых... Я стал приводить аргументы в пользу вступления — нельзя возглавлять важнейшую научно-техническую программу, пользоваться большим доверием у коллектива и руководителей партии и правительства, оставаясь беспартийным.

Тогда он неожиданно спросил меня:

— А как Лаврентий Павлович?

Я ему сказал, что не знаю.

— А вы спросите его. Если одобрит, — я подам заявление.

Я пообещал поговорить с Берия. Одно дело пообещать, другое дело выполнить обещание.

Продумав свое обращение, я, наконец, осмелился позвонить по кремлевскому аппарату, сказав, что считаю неправильным, когда важнейший государственный проект осуществляется под руководством беспартийного человека. Берия молчал. Я сказал, что порекомендовал товарищу Курчатову вступить в ВКП(б). Он тут же перебил меня: «Не нажимайте!». Я продолжаю приводить аргументы, а Берия — все свое: «Не нажимайте!».

Так я и не получил согласия, но не было и запрета.

На другой день я сказал Игорю Васильевичу о состоявшемся разговоре. Вскоре¹⁹ он был принят кандидатом в члены партии²⁰.

¹⁸ Выборы или выбор? К истории избрания президента Академии наук СССР. Июль 1945 г. // Исторический архив. 1996. № 2. С. 142–153. Публикация подготовлена В. В. Крыловым.

¹⁹ 6 августа 1948 г.

²⁰ Из рукописных воспоминаний Н. И. Павлова.

«Необходимо вести работы широко, с русским размахом»

Хотя советский атомный проект стартовал осенью 1942 г. под эгидой В. М. Молотова, его результаты на первом этапе не удовлетворяли Курчатова. В руководстве страны Молотов был тогда вторым человеком после Сталина, но это не остановило Игоря Васильевича. 29 сентября 1944 г. он написал заместителю председателя СНК СССР Л. П. Берии:

В письме т. М. Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей. ...Вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943–1944 г., *положение дел остается совершенно неудовлетворительным...*

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре²¹.

Через два месяца после этого письма, 3 декабря 1944 г., постановлением ГКО СССР о лаборатории И. В. Курчатова Берии было поручено «наблюдение за развитием работ по урану»²².

Однако поворотный момент в истории нашего атомного проекта наступил, когда 6 августа 1945 г. американцы сбросили на Хиросиму свою первую атомную бомбу. Для советского правительства пришло время решительных действий.

Выразительный факт, касающийся этих событий и Сталина, отметила его дочь Светлана Аллилуева: «Я помню, что в тот день, когда я была у него, — пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили в Японии первую атомную бомбу... Все были заняты этим сообщением, и отец не особенно внимательно разговаривал со мной. А у меня были такие важные — для меня — новости. Родился сын! Ему уже три месяца, и назвали его Иосиф... Какое значение могли иметь подобные мелочи в ряду мировых событий, — это было просто никому не интересно...»²³.

Уже через несколько дней после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки последовали крупные организационные решения И. В. Сталина. 20 августа 1945 г. при ГОКО был создан Специальный комитет из 9 человек под председательством Л. П. Берии, в состав которого был включен и Курчатов. На комитет возлагалось руководство всеми ра-

²¹ Головин И. Н. Курчатов – ученый, государственный деятель, человек. Препринт Российского научного центра «Курчатовский институт». Материалы юбилейной сессии Ученого совета центра 12 января 1993 г. С. 24–25.

²² Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 2-е. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 57.

²³ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 143–144.

ботами по использованию внутриатомной энергии урана. Одновременно при этом комитете был сформирован Технический совет под председательством Б. Л. Ванникова, в который вошли А. И. Алиханов, И. Н. Вознесенский, А. П. Завенягин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. К. Кикоин, И. В. Курчатov, В. А. Махнев, Ю. Б. Харитон и В. Г. Хлопин. Наконец, для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана 20 августа 1945 г. было организовано во главе с Б.Л. Ванниковым и подчиненное Специальному комитету Первое главное управление при СНК СССР.

Через пять месяцев, 25 января 1946 г., Сталин лично встречается с Курчатовым и, демонстрируя полное доверие, предоставляет ему своеобразный карт-бланш²⁴.

Сразу после беседы Игорь Васильевич записал для себя основные впечатления. Обращает на себя внимание форма записи: строгая, деловая, фактически официальная, констатирующая. Да он и не мог поступить иначе, чтобы случайным словом не подвергнуть даже малейшему риску огромное дело, которое возглавлял. Листок с быстрой, почти стенографической записью Игорь Васильевич до последнего дня хранил в своем личном сейфе.

Как следует из записей в журнале «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», Курчатov в кабинете вождя был впервые. Неудивительно, что он обратил внимание на «печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев». Но обошел молчанием, как выглядел Сталин во время их встречи. Дочь вождя свидетельствует: «Когда война кончилась, он заболел. У него сразу был такой спад. Ему было уже 66 лет. Он очень болел в 46 году.... И болел долго и трудно. Сказались напряжение и усталость военных лет и возраст... Летом 1946 г. он уехал на юг — впервые после 1937 г.»²⁵.

Запись Игоря Васильевича с большим трудом поддается расшифровке. По этой причине в публикуемом ниже тексте сделаны отдельные небольшие пропуски, а сомнительные, неоднозначные варианты конкретных слов отмечены вопросительными знаками и заключены в скобки. Смысл некоторых замечаний в записи И. В. Курчатова и указаний Сталина становится более понятным, если вспомнить, какие события развернулись с участием академика П. Л. Капицы после первых заседаний Специального комитета и Технического совета, членом которых он состоял.

3 октября 1945 г., т. е. уже через полтора месяца после создания Специального комитета и Технического совета, Капица обратился с личным письмом к Сталину. В нем он написал, что «товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация). Теперь, столкнувшись с тов. Берия по Особому Комитету, я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым»²⁶. И далее:

²⁴ См. также: *Смирнов Ю. Н.* Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 128.

²⁵ *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 9, 144.

²⁶ *Капица П. Л.* Письма о науке. М., 1989. Письма № 96, 98, 99. С. 233–234.

«...уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым. Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока *еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными*». Таким образом, в отличие от Курчатова, который также видел особенности «руководящих товарищей», Капица уже на начальном этапе посчитал для себя невозможным результативный контакт с властью.

Более того, 25 ноября 1945 г. Капица настоятельно просит Сталина освободить его «от участия в Особом Комитете и Техническом Совете». В своем пространном письме он мотивировал просьбу тем, что «товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо. ...Если стремиться к быстрому успеху, то всегда путь к победе будет связан с риском и с концентрацией удара главных сил по весьма ограниченному и хорошо выбранному направлению... Единственный путь тут — единоличное решение, как у главнокомандующего, и более узкий военный совет»²⁷. Капица предлагал также: «Надо поднять наши научные институты и благосостояние наших научных работников». Как мы увидим из записи Курчатова, вопросы, поставленные Капицей, — как достичь успеха и как сделать жизнь ученых более обеспеченной, — в той или иной степени, и, видимо, не случайно, затрагивались Сталиным во время их встречи. Поэтому интересно проследить, какие именно указания дал Сталин Игорю Васильевичу. И обратим внимание, что Сталин в разговоре с Курчатовым сам заговорил о Капице.

Уже 21 декабря 1945 г. Капица был освобожден от работы в Спецкомитете и Техническом совете, а осенью 1946 г. снят со всех занимаемых должностей и попал в опалу. Между прочим, в свое время я прямо спросил Ю. Б. Харитона, как со стороны выглядел конфликт Капицы с Берией и почему так обошлись с Петром Леонидовичем. Юлий Борисович был лаконичен: «Задирался много».

Игорь Васильевич не упоминает, как проходила сама встреча. Но мы можем это представить себе благодаря рассказу Константина Симонова, который 13 мая 1947 г. вместе с А. Фадеевым и Б. Горбатовым впервые оказался в кабинете Сталина. Вряд ли за год с небольшим общий рисунок подобных встреч изменился. Встреча, которую описал Симонов, проходила с участием Молотова и Жданова и началась в седьмом часу вечера:

...В приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и открыли дверь в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись навстречу. Лицо у

²⁷ Капица П. Л. Письма о науке. М., 1989. С. 240–242.

Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался...

После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола, Молотов и Жданов сели напротив нас, но не совсем напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину...

Сталин... в начале беседы больше стоял, чем сидел, или делал несколько шагов взад и вперед позади его же стула или кресла... Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, думал, прохаживался». Он был одет «в серого цвета китель, в серые брюки навыпуск. Курил кривую трубку. Впрочем, курил мало. Зажигал ее, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал, опять затягивался, и она снова гасла, но он почти все время держал ее в руке. Иногда он, подойдя к своему стулу, заложив за спинку большие пальцы, легонько барабанил по стулу остальными. Во время беседы он часто улыбался²⁸.

Обратимся теперь к тексту записи Игоря Васильевича:

25 января 1946 г..

Беседа продолжалась приблизительно один час с 7³⁰ до 8³⁰ вечера²⁹. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия.

Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В.И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране. [...]

Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь.

Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что не нужно (дошлифовывать?) работу, что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах. Он высказал мысль, что ... всякое большое изобретение (вначале?) было грубым, как это имело место с паровозом.

По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько?) ... (тысяч?) человек жило на славу (и несколько тысяч человек лучше, чем на славу?)... свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.

В работе т. Сталин говорил — что надо идти решительно со вложением решительно всех средств, но по основным направлениям.

Надо также всемерно использовать Германию, в которой есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы. Т. Сталин интересовался работой немецких ученых и той пользой, которую они нам принесли³⁰.

Из беседы с т. Сталиным было ясно, что ему отчетливо представляются трудности, связанные с получением (наших?) первых агрегатов, хотя бы с

²⁸ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М., 1988. С. 124–125, 141–142.

²⁹ Журнал «Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина» свидетельствует: встреча проходила с 19.25 до 20.15 вечера.

малой производительностью, т. к. (сказал?) увеличения производительности можно достигнуть увеличением числа агрегатов. Труден лишь первый шаг, и он является основным достижением.

(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилоче и целесообразности работы Капицы.

Было выражено (мнение?) на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность — на благо Родине или нет.

Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого бы из ученых следовало еще привлечь к работе.

Систему премий³¹.

Обстановка кабинета указывает на (оригинальность?) и (?) ее хозяина. Печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев.

Космические лучи и циклотрон...

Заключительные слова записи Игоря Васильевича, к сожалению, не поддаются расшифровке.

...Со дня встречи Сталина с Курчатовым 25 января 1946 г. до пуска первого советского опытного уран-графитового реактора 25 декабря 1946 г. оставалось ровно 11 месяцев. До взрыва первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 г. оставалось еще долгих и очень трудных 3 года и 7 месяцев.

По существу, в ходе беседы Сталин наделил Курчатова особыми полномочиями.

Как видно из беседы, Сталин хорошо понимал: создание собственной атомной бомбы становится важнейшим делом для государства. Поэтому были развернуты такие мобилизационные мероприятия, которые были под силу только мощной партийно-государственной системе, подчиненной единой воле и жесткому контролю. Той централизованной диктаторской машине управления, которая господствовала в СССР. Для решения беспрецедентной задачи были привлечены лучшие силы промышленности, конструкторских бюро, исследовательских институтов, все звенья партийных органов и управления, лучшие руководители и специалисты.

Теперь по несколько раз в месяц под председательством Берии проходили заседания Специального комитета, на которых рассматривались узловые вопросы реализации атомного проекта. И практически все протоко-

³⁰ Один из наиболее видных немецких специалистов, работавших в СССР, Макс Штеенбек так суммировал вклад своих соотечественников в советский атомный проект: «Западная пропаганда... при каждом удобном случае утверждала, что советскую атомную бомбу создали якобы немецкие ученые. Абсолютная чепуха! Конечно, мы сыграли определенную роль в разработке ядерной темы, но наша задача никогда не выходила за те границы, где освоение энергии четко переходит от мирного применения к использованию в военных целях». См.: Штеенбек М. Путь к прозрению. М., 1988. С. 158–159.

³¹ Сталин быстро понял не только важность создания отечественного атомного оружия, но и предусмотрел особые, можно сказать, беспрецедентные меры для поощрения его разработчиков. Уже через два месяца после встречи с Курчатовым (и почти за три с половиной года до первого нашего испытания!) 21 марта 1946 г. он подписал развернутое постановление правительства на эту тему. Отличившиеся участники испытания 29 августа 1949 г., включая И. В. Курчатова, были премированы именно в соответствии с этим постановлением.

лы, которые велись на этих заседаниях, содержали в той или иной вариации фразу: «Проект Постановления по данному вопросу представить Председателю Совета Министров СССР товарищу Сталину И. В.». Не случайно только в течение года (с августа 1945 г.) Сталин лично подписал более шестидесяти важнейших документов в интересах форсированного развития атомной тематики и постоянно находился в курсе дела.

«Специальное правительственное внимание», которого давно добивался Курчатов, стало фактом. Но одновременно неизмеримо увеличилась и его нагрузка. От программы научно-исследовательских работ Лаборатории №2, весь коллектив которой на конец войны составлял около 100 человек, надо было немедленно перейти к новому масштабу работы: созданию крупнейших, небывалых предприятий и комбинатов зарождающейся атомной отрасли со многими тысячами сотрудников. Именно тогда стали закладываться целые закрытые города, начало которым положили Арзамас-16 и Челябинск-40. Выстраивалась цепочка, включавшая могучую, мощную триаду: добычу уранового сырья, производство оружейного плутония и урана, разработку и конструирование атомных зарядов. Этот лавинообразно нарастающий процесс, сопровождавшийся испытаниями зарядов на атомном полигоне, еще более расширился в связи с возникшей вскоре задачей по созданию термоядерного оружия. Специфика новой отрасли заключалась в том, что отныне трудно было провести грань между самой высокой на тот период наукой и крупномасштабными технологиями и производствами. Бурно растущий, казавшийся необозримым атомный комплекс стал постоянной заботой и предметом личной ответственности Игоря Васильевича как научного руководителя проблемы.

С другой стороны, создание атомной бомбы в СССР пришлось на период обострившегося с лета 1946 г. опаснейшего противостояния между СССР и США, когда война между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции могла начаться в любой момент. Надо было спешить. Но наша страна только что вышла из опустошительной кровавой войны с фашизмом. Сталин знал о жертвах и лишениях своих соотечественников не только по сводкам. Его дочь Светлана вспоминала, что летом 1946 г. он поехал на юг на машине: «Огромная процессия протянулась по плохим тогда еще дорогам... Останавливались в городах, ночевали у секретарей обкомов, райкомов. Отцу хотелось посмотреть своими глазами, как живут люди, — а кругом была послевоенная разруха. ...Он нервничал, видя, что люди живут еще в землянках, что кругом еще одни развалины»³².

В те годы, еще до взрыва первой советской атомной бомбы (как, впрочем, и позднее), Сталин продолжил свое безжалостное давление на общество, не щадя ни своих партийных единомышленников, ни ученых, ни еще совсем недавних национальных кумиров. Заподозрив Г. К. Жукова в подготовке заговора, он в июне 1946 г. высылает его в Одессу. По нелепому навету лично лишает воинского звания генерал-лейтенанта легендарного па-

³² Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 144. Фильм «Светлана, дочь Иосифа». ЦТ, 26 января 1994 г.

панинца Е. К. Федорова, а в августе 1947 г., разжаловав в рядовые, снимает его с должности. К началу 1949 г. раскручивается сфабрикованное «ленинградское дело», завершившееся трагической развязкой.

Гнетущую атмосферу в стране усиливали печально знаменитые репрессивные постановления Центрального Комитета ВКП(б) в области литературы, театра, кино (1946 г.) и даже музыки (1948 г.). Были проведены разгромные «дискуссии» по вопросам философии (1947 г.) и по так называемому космополитизму в науке (1948–1949 гг.). Общеизвестна трагическая участь советской генетики, судьба которой была решена в августе 1948 г....

В этих условиях быстрое создание атомной бомбы в нашей стране, завершившееся успешным испытанием 29 августа 1949 г., было настоящим подвигом. И роль Игоря Васильевича в этом деле была одной из самых решающих.

«Над человечеством нависла угроза»³³

К 1953 г. Советский Союз превратился в ядерную державу, и его армия готовилась принять на вооружение первые образцы ядерного оружия³⁴. Задача, поставленная И. В. Сталиным по преодолению атомной монополии США и разработке собственного атомного оружия, была перевыполнена: 12 августа 1953 г. СССР успешно испытал первую в мире транспортную водородную бомбу. Работа над ней велась с 1948 г. До этого триумфа И. В. Сталин не дожил всего пять месяцев.

Новые лидеры страны Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, быстро решив «проблему Берии», унаследовали от Сталина политику противостояния с Соединенными Штатами. Сталин оставил пришедшим ему на смену руководителям сложившиеся стереотипы в области международных отношений. Среди них — положение, согласно которому, пока существует капитализм, мировая война неизбежна, и чтобы ее устранить, необходимо уничтожить капитализм. В новом советском руководстве наиболее последовательным сторонником и выразителем сталинской точки зрения оставался Молотов. Даже в июне 1957 г. на пленуме ЦК КПСС, посвященном «антипартийной группе», в которую входил и Молотов, он, отдавая должное новым веяниям во внешней политике, говорил: «Мы все понимаем и считаем необходимым проводить, поддерживать и стимулировать те меры, которые содействуют уменьшению международной напряженности. Это основа нашей работы по укреплению мира, *по оттягиванию* и предотвращению новой войны»³⁵. Иными словами, столкновение — вопрос лишь времени и выбора момента для «окончательной победы» над «агрессивными силами империализма». Фраза о

³³ См.: Зубок В., Смирнов Ю. Ядерное оружие и советское руководство (1940–1950 гг.) // Бюллетень по атомной энергии. 2001. Сентябрь. С. 64–70. Yuri Smirnov and Vladislav Zubok. Nuclear Weapons after Stalin's Death: Moscow Enters the H-Bomb Age // См.: Cold War International History Project Bulletin, Issue 4, Fall 1994, Washington, USA. P. 1, 14–18.

³⁴ Кохран Т. Б., Аркин У. М., Норрис Р. С., Сандс Дж. Дж. Советское ядерное оружие (1989). М.: ИздАТ, 1992. С. 8.

³⁵ Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет. Пленум ЦК КПСС, июнь 1957 года // Исторический архив. 1991. № 4. С. 4.

«предотвращении новой войны» была сказана Молотовым в несвойственной ему манере — в унисон с зарождающейся новой партийной точкой зрения.

Однако ядерное оружие, особенно водородное, очень скоро вынудило советских лидеров пересмотреть свои позиции. Исключительное значение в этой эволюции имел секретный материал, подготовленный в первые месяцы 1954 г. И. В. Курчатовым, А. И. Алихановым, И. К. Кикоиным и А. П. Виноградовым в виде рукописи статьи. Один экземпляр ее был направлен министром среднего машиностроения В. А. Малышевым первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с предложением опубликовать текст в открытой печати. При этом с учетом требований секретности опубликовать предлагалось не от имени авторов рукописи — участников атомного проекта, а за подписью других авторитетных советских ученых, которые «хорошо известны за границей и с нашей тематикой не связаны». «Проект статьи, — отметил Малышев, — послан мной товарищам Маленкову и Молотову»³⁶.

Содержание этого документа представляется исключительным по своему значению. Важна и реакция на него со стороны советского руководства. Авторы статьи писали:

Современная атомная практика, основанная на использовании термоядерной реакции, позволяет практически неограниченно увеличивать взрывную энергию, сосредоточенную в бомбе... Защита от такого оружия практически невозможна, ясно, что массовое применение ядерного оружия приведет к опустошениям воюющих стран... Помимо разрушающего действия атомных и водородных бомб человечеству, вовлеченному в ядерную войну, угрожает еще одна опасность — отравление атмосферы и поверхности земного шара радиоактивными веществами, образующимися при ядерных взрывах. ... Темпы роста производства атомных взрывчатых веществ таковы, что уже через несколько лет накопленных запасов атомных взрывчатых веществ будет достаточно для того, чтобы создать невозможные для жизни условия на всем земном шаре. Взрыв около ста больших водородных бомб приведет к тому же... Таким образом, нельзя не признать, что над человечеством нависла огромная угроза прекращения всей жизни на земле.

Для Игоря Васильевича ужасная картина ядерных взрывов не была абстракцией. Начиная с первого эксперимента в августе 1949 г., он в течение шести лет был не просто участником испытаний на Семипалатинском полигоне, а председателем государственной комиссии, возглавляя эти крупномасштабные атомные и термоядерные эксперименты. И каждый из них требовал от него предельного напряжения душевных сил. (К слову сказать, на его глазах проходили и войсковые учения со взрывом атомного заряда на Тоцком полигоне.)

И. В. Курчатов понимал, что складывается нешуточная ситуация. Он и его коллеги со всей определенностью поставили перед советским руковод-

³⁶ Копия статьи с сопроводительной запиской Малышева Хрущеву была найдена В. Зубоком в Центре хранения современной документации (ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 126. Л. 38). Малышев предлагал, чтобы статью подписали академики Несмеянов, Иоффе, Скобельцын и Опарин. Однако статья так и не была опубликована.

ством вопрос о самоубийственной опасности ядерной войны и наверняка, как тогда было принято, еще до появления рукописи, предназначавшейся для широкого читателя, поднимали эту тему перед первыми лицами государства. Более того, в статье они подчеркнули необходимость «полного запрещения военного применения атомной энергии». Эта точка зрения явно противоречила «историческому оптимизму» официальной советской идеологии в вопросе об окончательной победе социализма над капитализмом и по существу являлась пацифистской.

Столь серьезная обеспокоенность И. В. Курчатова не могла не произвести впечатления на советское руководство.

12 марта 1954 г. глава правительства Г. М. Маленков в ходе предвыборной кампании в Верховный Совет СССР заявил в своем выступлении, что «советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряженности... решительно выступает против политики “холодной войны”, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая *при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации*»³⁷.

Публичное заявление такого рода по вопросу войны и мира из уст премьера Сталина означало нечто из ряда вон выходящее. Поэтому на очередном Пленуме ЦК КПСС новая позиция Маленкова вызвала отпор со стороны Хрущева и Молотова. Однако вскоре после того как в феврале 1955 г. Хрущев сместил Маленкова с поста главы правительства и весной того же года оттеснил Молотова от руководства внешней политикой, он дал понять, что разделяет оценку опасности термоядерной войны, которую сам еще недавно обличал. Это ясно показала встреча в верхах в Женеве в июле 1955 г., где Хрущев был уже главным действующим лицом в составе советской делегации.

В ходе этой встречи состоялась знаменательная беседа с глазу на глаз (только с участием советского переводчика О. Трояновского) президента США генерала Д. Эйзенхауэра и министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова — двух прославленных полководцев Второй мировой войны. Каждый из них прекрасно представлял мощь ядерного оружия. К тому же Жуков осенью 1954 г. в районе Тоцкого полигона командовал войсковыми учениями, в ходе которых был произведен взрыв атомной бомбы мощностью 40 кт³⁸. Эйзенхауэр первым дал понять, насколько его беспокоит рост ядерных вооружений. Он подчеркнул, что «теперь, когда появилось ядерное и водородное оружие, изменились многие понятия, бывшие правильными в прошлом. Война в современных условиях с применением ядерного и водородного оружия стала еще более бессмысленной, чем когда-либо прежде». Жуков согласился и отметил, что «лично видел, насколько смертоносно это оружие»³⁹.

³⁷ Речь товарища Г. М. Маленкова. Правда. 1954 г. 13 марта.

³⁸ Ядерные испытания СССР. Т 1. РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров, 1997. С. 125.

³⁹ Запись беседы Г. К. Жукова с президентом Д. Эйзенхауэром 20 июля 1955 г. (ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 122–123).

Обращает на себя внимание реализм и ответственная позиция двух профессиональных военных, ставших государственными деятелями. Без сомнения, Жуков, как лицо официальное, мог придерживаться такой позиции в ходе беседы с Эйзенхауэром только с ведома и одобрения Хрущева.

Таким образом, предупреждение Курчатова и его коллег достигло цели. Встреча в Женеве, вспоминал Хрущев много лет спустя, «еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их»⁴⁰.

Вот почему в документах КПСС, принятых на XX съезде в феврале 1956 г., тезис о неизбежности новой мировой войны вследствие «агрессивных происков империализма» и новых «поджигателей войны» был заменен положением о длительном «мирном сосуществовании систем с разным общественным строем».

Очень важно, что и в последующие годы И. В. Курчатова, обеспокоенный угрозой термоядерной войны, не прекращал свои «просветительские» усилия в отношении руководителей страны. К этому благородному делу он подключил А. Д. Сахарова, предложив ему в начале 1957 г. написать статью о радиоактивных последствиях взрывов так называемой «чистой бомбы»⁴¹.

Зная о подвижнической деятельности Игоря Васильевича, мы уже, к примеру, не можем считать односторонний советский мораторий на ядерные испытания, объявленный Хрущевым 31 марта 1958 г., только следствием политического расчета. СССР и США, сознавая опасность, нависшую над человечеством, стали делать первые робкие шаги по ограничению ядерной гонки.

Широко известны слова, произнесенные Курчатовым с трибуны Верховного Совета СССР 15 января 1960 г., за три недели до внезапной кончины: «Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только благу человечества отдадут достижения» атомной науки. В этих словах нельзя не видеть и назидательный смысл, обращенный к руководству страны.

И. В. Курчатова жил и работал в трудное, очень опасное время. Это было постоянное, упорное восхождение к цели, которая в течение последних семнадцати лет его короткой жизни, отданных атомному проекту, уже не менялась: безопасность страны. Он был в числе тех немногих своих современников, работавших по обе стороны Атлантического океана, кто заставил человечество повзрослеть и осознать глубину ответственности перед потомками. Миллионы наших сограждан во многом именно ему обязаны жизнью, а десятки главных городов, начиная с Москвы, — продолжением своей биографии.

Он оставил нам оберегающий Россию могучий щит и оптимистическую надежду на будущее.

⁴⁰ Воспоминания Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 76.

⁴¹ Сахаров А. Д. Курчатова иногда говорил: мы солдаты // Игорь Васильевич Курчатова... М.: ИздАТ, 2003.

100 лет со дня рождения И. В. Курчатова

А. А. ТЯПКИН

ТРИ ВСТРЕЧИ С КУРЧАТОВЫМ

Встреча первая

В сентябре 1949 г. я появился в секторе М. С. Козодаева¹ для прохождения преддипломной практики и выполнения самой дипломной работы. Руководимый М. С. Козодаевым сектор в Лаборатории измерительных приборов Академии наук (ЛИПАН) находился в главном здании в корпусе «К» на третьем этаже рядом с дирекцией И. В. Курчатова. Моя первая встреча с этим прославленным организатором атомной науки и техники состоялась неожиданно, в один из вечеров в октябре того же 1949 г., когда я помогал механику нашего сектора Ивану Яковлевичу Рыжкову собирать для запланированной установки рамки из текстолитовых пластин, которые он изготавливал на фрезерном станке. В этот вечер мы задержались дольше обычного, и вдруг в половине двенадцатого открывается дверь нашей мастерской и с веселым возгласом «Привет неутомимым работникам трудового фронта!» к нам входит сам Игорь Васильевич. Как потом выяснилось, он имел обыкновение в это позднее время выходить из своего кабинета и прогуливаться по коридору, чтобы взбодрить себя перед ночным бдением у телефона в ожидании звонка от Берии и других членов правительства. Такой ночной режим работы задавался самим Сталиным.

Оказавшись рядом с крупнейшим организатором советского атомного проекта (который полтора месяца назад завершился успешным испытанием первой советской атомной бомбы), я, конечно, испытал огромное волнение и, с трудом подбирая слова, рассказал Игорю Васильевичу, что мы начинаем создавать установку, с которой, по задумке нашего шефа Михаила Силыча, в космических лучах будет измерено время жизни недавно открытой английской группой новой частицы — пи-мезона. На это Игорь Васильевич заметил, что он уже обсуждал с Козодаевым эту смелую задумку и сказал ему, что в космосе, скорее всего, можно будет получить лишь верхнюю оценку среднего времени жизни этой частицы, поскольку она ожидается намного меньше, чем у мю-мезона, но скоро у нас будет запущен мощный ускоритель, и на нем следует проводить подобные исследования, а пока в космических лучах нам будет полезно столкнуться со сложностью

¹ Михаил Силыч Козодаев (1909–1986) — известный специалист по ядерной электронике и методике регистрации частиц, участник создания автоматических систем контроля на самых первых реакторах и активный участник становления физики высоких энергий.